

Тамара МЕЛИКЯН

*РОЛЬ ЛИЧНОСТИ И ПОЭТА В ИСТОРИИ:
Л. ТОЛСТОЙ И Б. ПАСТЕРНАК**

Лев Толстой отрицал созидающую и положительную роль сильной личности в истории, так как, по его мнению, гуманизм, христианское милосердие и власть несовместимы. Великий писатель Л. Толстой к этому выводу, определившему его отношение к власти и государству, пришел в процессе создания исторической эпопеи "Войны и мира" и после казни народовольцев, ставшей для него весомым доказательством данного вывода.

Писатель свои исторические и философские вставки романа считал "Откровениями Толстого" и ставил некий знак равенства между своими Откровениями и Откровениями Иоанна Богослова и Исповедью Блаженного Августина. Упрекать Л. Толстого в гордыне мы не будем: масштаб его личности столь велик, что можно соглашаться или не соглашаться с ним.

Естественно, мыслитель не мог не задуматься и над тем, что способен сделать человек, вовлеченный властью в исторический процесс? Он признавал право личности, сильной личности на поступок, но считал, что власть умаляет личность, что личность во власти деградирует.

Право на поступок – это право выбора, право на свободу. Такое право имели Платон Каратаев, утешавший своих товарищей по плену, и Пьер Безухов, спасший девочку в горящей Москве.

Так же поступает в позднем рассказе Толстого "Ходынка" его герой Емельян: "равный прежде вместе со всеми вперед к гостиницам, он выходит из общего движения, спасая мальчика, попавшего под ноги толпе, и лишившуюся сознания женщину"¹. Право на любовь, на подвиг – это право человека, право, дарованное Богом, считал Л. Толстой. Но "нет права на власть, власть берется чаще всего силой, что уже далеко от гуманизма"².

В романе-эпопее "Война и мир" Л. Толстой отвергал мнение историков, полагавших, что "Общественный договор" Жан-Жака Руссо породил Великую Французскую революцию. Но могла ли проповедь Л. Толстого вызвать революцию в России?!

Проповедь Толстого имела широчайшее распространение и резонанс, но последствия ее были совсем не такими, к каким стремился писатель. В июне 1910г. Лев Толстой записал в дневнике: "Страшно сказать, но что же делать, если это так, а именно, что со всем желанном жить только для души, для Бога, перед многими и

* Статья в качестве доклада была представлена на международной научной конференции "Историко-культурное наследие и современность", состоявшейся 4-6 октября 2013 г. в Гюмри.

¹ Лурье Я. Исторические воззрения Толстого и проблемы XX века. М., 1993, С. 34.

² Там же, С. 42.

многими вопросами остаешься в сомнении, в нерешительности”³. Писатель насто-
роженно относился ко всем революциям, равно как и к революции 1905г.

“С Россией произошла страшная катастрофа. Она ниспала в темную бездну. И многим начинает казаться, что единая и великая Россия была лишь призраком, что не было в ней подлинной реальности. Нелегко улавливается связь нашего настоящего с нашим прошлым. Слишком изменилось выражение лиц русских людей, за несколько месяцев оно сделалось неузнаваемым. При поверхностном взгляде кажется, что в России произошел небывалый по радикализму переворот. Но более углубленное и проникновенное познание должно открыть в России революцион-
ный образ старой России, духов, давно уже обнаруженных в творчестве наших великих писателей”, - писал в работе “Духи русской революции” Н.Бердяев⁴.

“Толстой не видит лица человеческого, не знает лица, он весь погружен в природный коллективизм, который представляется ему жизнью божественной. Жизнь личности не представляется ему истинной, божественной жизнью, это- ложная жизнь этого мира. Истинная, божественная жизнь есть жизнь безличная, Личность, качественность есть уже грех и зло... Толстой хотел бы последовательно истребить все, что связано с личностью и качественностью... Толстой сумел привить русской интеллигенции ненависть ко всему исторически-индивидуальному... Толстовство в широком смысле этого слова-русская внутренняя опасность, принявшая обличье высочайшего добра”, -таков взгляд Н.Бердяева на отношение Л.Толстого к сильной личности⁵.

Парадоксальным можно считать тот факт, что правоту Л.Толстого подтверждает А. Солженицын, сосланный карающим государством сначала в тюрьму, затем на каторгу. В противовес Л.Толстому, А.Солженицын, как известно, весьма большое значение придавал роли личности, значению правильности выбора каждого конкретного человека в “узловой момент” своей судьбы и судьбы страны. По мнению А.Солженицына, от каждой личности зависит многое, а потому велика ответственность каждого за правильный выбор всего общества в узловой момент истории.

В 1945 г. В Бутырской тюрьме А. Солженицын услышал от своих сокамерников речь лейтенанта Шмидта судьям в переложении Б.Пастернака:

“Я тридцать лет вынашивал

Любовь к родном краю

И снискожденья вашего

Не жду и не желаю”, -

И речь эта “проняла” его, ибо “так подходила к нам”⁶.

³ Толстой Л. Письма, Полное собрание сочинений, М., 1958, т. 58, С. 65.

⁴ Бердяев Н. Духи русской революции. М., АСТ, 2011, С. 78.

⁵ Там же.

⁶ Солженицын А. Архипелаг Гулаг, 1973, т. I, С. 226.

Прежде чем понять, как же Б. Пастернак относился к роли личности в истории, вчитаемся в строки книги Д. Быкова "Борис Леонидович Пастернак": "Каждый биограф Пастернака задается вопросом: почему его все –таки не репрессировали?"

На этот вопрос есть множество рациональных ответов и один иррациональный, но, кажется, единственно верный. Рациональные мы уже разбирали, и все они не универсальны: Сталин губил людей куда более популярных и несравненно более лояльных, чем Пастернак. И более смелых. И никак не менее талантливых. Не говоря уж о том, что евреев, выбравших ассимиляцию, "попутчиков", воевавших с РАППом, и литературных знаменитостей, олицетворявших для заграницы советский либерализм и культурный ренессанс, среди арестованных тоже было довольно.

Заболоцкий был похож на провинциального бухгалтера, Мандельштам суетливостью напоминал еврейского портного. Пастернак был похож на поэта –слишком похож, как и Ахматова; этим, и только этим, можно объяснить их неприкосновенность. Обоих травили, у Ахматовой погубили двух мужей и едва не погубили сына; но взять их не смогли – потому что в крови у всех без исключения людей живет первобытный трепет перед жрецом, а у архаичных натур этот рудимент еще сильнее. Через это переступить не мог никто – даже Хрущев, которому вообще не было свойственно уважение к печатному слову. Травить – да, но уничтожать – нет. Даже Мандельштама Сталин предполагал вначале "изолировать, но сохранить"⁷.

Есть версия, что И. Сталин, как "всякий профессиональный властитель", отлично понимал пределы своей власти и не посягал "на самые древние запреты"⁸, то есть на настоящую поэзию. Во всяком случае на мнение Б.Пастернака о роли личности в истории влияли взаимоотношения поэта с властью и власть имущими. В 1939 г., когда репрессии шли полным ходом, то есть реализовывалась мысль Толстого о власти и антигуманизме, Пастернак написал стихотворение "Глухая пора листопада". Прочитаем его:

"Глухая пора листопада.

Последних гусей косяки.

Расстраиваться не надо,

У страха глаза велики.

И белому мертвому царству,

Бросавшему мысленно в дрожь,

Я тихо шепчу: "Благодарствуй,

Ты больше, чем просят, даешь"⁹. ("Глухая пора листопада")⁹.

⁷ Быков Д. Пастернак Б.Л., М., 2009, С. 309.

⁸ Там же.

⁹ Пастернак Б. Собрание сочинений в 5 томах, М., 1989, т. 2, С. 67.

Это стихи чрезвычайно прозрачны. В них вера в жизнь, счастливую и красивую – это обманчивая сказка с хорошим концом. Но в этой Жизни воплощено все христианство Пастернака, о котором Д. Быков пишет так: “Счастливое разрешение долгого страха и недоверия: оказывается, отчаиваться не надо! Оказывается, мир только пугает – но за поворотом нас ждут прощение, разрешение всех обид, разгадка загадок, чудесное преображение! Этот свет, доходящий из-за горизонта, пронизывает и военные стихи. “Но почему нет страха в душе моей?” Потому что есть подспудная догадка о чудесном спасении. Религия Пастернака – вера чудесно спасенного”¹⁰. Словом, “Каторга, какая благодать!”¹¹.

Однако вера в чудесное спасение невозможна без веры в единую Личность – Бога. Многие, так называемые сильные личности, по мнению Б.Пастернака, весьма сходному с мнением Л.Толстого, –это всего лишь фетиши, поскольку:

“... жизнь проходит под знаком

Клеветы столько лет,

В свете сплетни двоякой,

С жадной смерти в ответ” (“Молодежь по записке”).

Современники Пастернака существовали в условиях советской полуподпольной веры и поневоле склонялись к бескомпромиссной диссидентской этике –вера становилась фанатичной, нерассуждающей, сектантской”¹². Такая вера была чужда Пастернаку хотя бы потому, что полуподпольная вера была огосударствленной, то есть дозволенной государством, лишенным гуманизма. К официальной церкви Пастернак был холоден. Есть воспоминания о том, что он наизусть знал заупокойную службу и, присутствуя на похоронах близких ему людей, вторил священнику. Но из людей, выросших в добольшевистской России, мало кто не знал на память тексты церковных служб.

Можно предположить, что для Б.Пастернака религия была выходом из тупика, в который попала его страна. Поэт писал Ольге Фрейндберг 4 февраля 1941 г.: “Благодетелю нашему кажется, что до сих пор были слишком сентиментальны и пора одуматься. Петр Первый уже оказывается параллелью не подходящей. Новое увлечение, открыто исповедуемое, –Грозный, опричнина, жестокость”¹³.

В годы войны, когда государство отвело наконец свой взгляд от частной жизни граждан, можно было домыслить причины той страшной катастрофы, которая произошла в России в 1930-е гг. Никто не мог ответить, что будет завтра. Возникло ощущение странной свободы, паузы, выпадения из времени, дающей возможность отстраненно рассуждать на вечные темы.

Говоря об отношении Б. Пастернака к советской власти, Д. Баков пишет: “... все советское заслуживает у Пастернака оправдания лишь постольку, поскольку

¹⁰ Быков Д. Пастернак Б.Л., М., 2009, С. 310.

¹¹ Пастернак Б. Собрание сочинений в 5 томах, М., 1989, т. 2, С. 578.

¹² Быков Д. Пастернак Б.Л., М., 2009, С. 47.

¹³ Пастернак Б. Собрание сочинений в 5 томах, М., 1989, т. 5, С. 482.

укрепляет и помогает сохранить все русское. Прежде таким хранителем русского казался Пастернаку Сталин, но он в нем разочаровался”.

Разочарование в Сталине пришло к Пастернаку еще в середине 1930-х гг., затем Сталин казался писателю олицетворением мертвой буквы, символом догмата, а уже в “Докторе Живаго”, - символом диктата государства и губителем всего живого и мыслящего.

ԱՆՁԻ ԵՎ ԲԱՆԱՍՏԵՂԾԻ ԴԵՐՆ ՊԱՏՍՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ .

Լ.ՏՈԼՍՏՈՅ ԵՎ Բ.ՊԱՍՏԵՐՆԱԿ

— *Ամփոփում* —

— *Թ. Մելիքյան* —

Լև Տոլստոյը չէր ընդունում «մեծ մարդկանց» պաշտամունքը, պնդելով, որ ուժեղ կառավարիչներն ընդամենը «պիտակ են, որոնք իրադարձություններին անվանումներ են տալիս»: Որպես քրիստոնյա՝ նա մերժում, ավելի ճիշտ՝ ժխտում էր ուժեղ անձի ստեղծարար, բացառիկ դերը պատմության մեջ, որովհետև համոզված էր, որ մարդասիրությունը, քրիստոնեական բարեսրտությունը և իշխանությունը անհամատեղելի են: Այդպես էլ՝ մեծ գրողը տագնապահույզ էր բոլոր հեղափոխությունների նկատմամբ, այդ թվում՝ և 1905թ. հեղափոխության, որը, ըստ նրա, «Ռուսաստանին զցել է մուր» անդունդ, և շատերին սկսել է թվալ, որ միասնական և մեծ Ռուսաստանը այլևս միայն պատրանք է»:

Հասկանալու համար, թե ինչպես էր Բ. Պաստերնակը վերաբերվում պատմության մեջ ուժեղ անձի դերին, պիտի ընթերցել Դ.Բիկովի համանուն վեպի տողերը. «Պաստերնակի յուրաքանչյուր կենսագիր մտահեղձված է այն հարցով, թե ինչու՞ նրան չձերբակալեցին»: Վարկած կա, որի համաձայն՝ Ստալինը, ինչպես «ամեն մի արհեստավարժ տիրակալ», ռոնձգություն չէր անում իսկական քնարերգության նկատմամբ: Ինքը՝ Պաստերնակը, գտնում է, որ հրաշքով փրկության հավատն անհնար է առանց Աստծու հավատի: Հետևաբար Լ.Տոլստոյի նման՝ Բ.Պաստերնակի համար էլ ուժեղ անձն ընդամենը ֆետիշ է:

Մեծ Հայրենականի տարիներին հաճախ այցելելով ռազմաճակատ՝ Պաստերնակը համոզվում է, որ ստալինիզմը այնքան չի օգնել, ինչքան խանգարել է պատերազմը շահելուն: Այստեղից էլ գրողի համոզմունքը. ինչը նախկինում բռնի և ստոր էր թվում, բայց պատմականորեն արդարացված, իրականում Ռուսաստանը հեռացրեց իր իսկական պատմական ուղուց:

Сведения об авторе

Меликян Тамара Амвиевна – к. пед. н., доцент,
декан факультета иностранных языков Гюмрийского
педагогического института им. М. Налбандяна,
E-mail: tamara.melikyan@mail.ru